

Студенческий Научный Кружок Краеведения
при Иркутском Государственном Университете
Секция „Человек“

ПРОФЕССОР Б. Э. ПЕТРИ

СТАРАЯ ВЕРА

БУРЯТСКОГО НАРОДА

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ОЧЕРК

Посвящается памяти
М. Н. Хангалова

ИРКУТСК

1928

63.529(2=642)

П 30

ПРОФ. Б. Э. ПЕТРИ

СТАРАЯ ВЕРА
БУРЯТСКОГО НАРОДА

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ОЧЕРК

Посвящается памяти
М. Н. Хангалова

ИРКУТСК

1928

ДАР
ПОЛЕВОГО Л.С.

ГУМАНИТАРНЫЙ
ЦЕНТР
Г. ИРКУТСК
84629

МБУК
«ГЦ»

ФОНД РЕДКИХ КНИГ

Окрит № 1254.
Типография
издательства
„Власть Труда“.
— Иркутск —
1928.
Зак. 6297 Тир. 550

ВОЛКОВ А. С.

Предисловие.

В наш момент, момент спокойной стадии антирелигиозной борьбы, когда вопросы „верить или не верить“ решаются не силой вмешательства в чужие убеждения, а исключительно агитационно-пропагандистскими приемами, каждый общественный деятель особенно нуждается в соответствующей литературе. Но если у нас в достаточном количестве имеется литература, обслуживающая общие вопросы антирелигиозной пропаганды, если материалом по борьбе с христианством мы можем быть вполне удовлетворены, то безбожник чувствует себя достаточно беспомощным, как только он переходит к шаманистам. Здесь ему не хватает знаний фактического материала. Он незнаком с теми божествами, разоблачать и развенчивать которых он отправился. Их личность, генеалогия, характер, их роль и сфера влияния для него совершенно неизвестны. Борьба же против того, что не знаешь, и не в правилах безбожника и не убедительно. Если мы на территории Сибири можем считать православного бога в значительной степени низ-

ложенным—об этом нам повествуют сельские храмы, где опустевшие, а где использованные с большей целесообразностью для населения, то в Сибири шаманство еще очень крепко и сейчас очередь для антирелигиозной борьбы за ним. Поскольку мы для туземцев тайги и тундры строим культ-базы и проводим работу Комитета Севера, поскольку среди крупных народов Сибири учреждены и работают автономные республики,—кажется колоссальным анахронизмом существование шаманства, одного из наиболее грубых проявлений религиозных исканий.

Цель предлагаемой книжки дать безбожнику-сибиряку основные руководящие штрихи, с которыми он мог бы разобраться в демонологии каждого туземного племени. Приблизительно так, как представляют себе буряты своих богов, представляет себе их и большинство сибирских туземцев.

Не скрою, что одновременно и другое побуждение руководило мною при публикации настоящего очерка. В своем увлечении марксизмом мы часто превращаем его в доктрину и забываем, что школа исторического материализма признает, что политическое, правовое, философское, религиозное, литературное, художественное и т. п. развитие основано на экономическом^{*)}. Но все они оказывают влияние

^{*)} Письмо Энгельса к Штаркенбургу. Лондон. 25 янв. 1894 г.

друг на друга и на экономическую основу. Дело обстоит совсем не так, что только экономическое положение является единственной активной причиной, а остальные являются лишь пассивными факторами. Между всеми этими факторами наблюдается взаимодействие. Это взаимодействие основано, конечно, на экономической необходимости, которая в конце концов проявляется, но если мы будем считать, что экономическое положение действует автоматически, то мы будем глубоко заблуждаться, хотя это заблуждение часто дает нам весьма удобную позицию для эволюционных построений. История идет своим определенным ходом, складываясь из бесчисленного количества случайностей и различных волей отдельных людей, действующих не по общему плану и не руководящихся единой волей. Стремления отдельных людей перекрещиваются и элемент случайности играет существенную роль. Единственно, что координирует эти тысячи случайностей — это экономическая необходимость, руководящая отдельными людьми. Таким образом, экономические факторы являются в конечном счете решающими. (Более подробно об этом же смотри письма Энгельса к Марксу).

Об этом часто мне приходится беседовать с моими слушателями студентами Иркутского государственного университета. Мы изучаем сейчас по преимуществу хозяйство сибирских туземцев: таково практическое задание

момента в связи с работами Комитета Севера. Но не следует забывать, что культовые надстройки особенно деятельны именно у наших туземцев и что постичь механизм их хозяйства и бытового уклада нельзя, не зная одного из главных тормазов всех культурных начинаний— их религиозного мирозерцания.

Глава I.

Общие представления.

Среди религий всех народов, как давно отошедших в глубь времен, так и ныне живущих, одной из интереснейших и наиболее фантастических является религия, исповедуемая нашими сибирскими туземными племенами—шаманство.

Шаманство, как религиозное миросозерцание, возникло у народов, населявших Сибирь так же, как возникает всякая первобытная религия: оно явилось результатом разумного созерцания природы, сопоставления фактов и искания причинной связи; шаманство—результат деятельности природы и преломления этой деятельности в рассудке первобытного человека. Шаманство относится к анимистическим религиям, т. е. к религиям, одушевляющим не только все явления природы, как ветер, гром, волны, но даже такие незначительные предметы, как ложка, котел, ружье. Все, что существует—все имеет душу. Живое существо все—ветер подул—сам захотел; волны разбушевались—сами пожелали; камень с горы скатился,—ему надоело лежать на верху:

он надумал переместиться вниз; ружье сегодня дает осечки, оно не желает стрелять. Каждый предмет—одушевленное существо, каждый предмет имеет свою особую душу, своего хозяина. Каждое озеро, река, гора, падь имеет тоже душу—хозяина. Конечно, душа какой-нибудь рукавицы или душа пня не представляет собой чего-нибудь значительного—это существо низшего порядка. Зато дух, хозяин тайги—очень важное существо. Ему подчинены души отдельных деревьев, души холмов, сопки, падей, озер и ручьев, в этой тайге находящихся. Ему же подчинены и все животные, обитающие на его территории. При этом наблюдается строгая субординация. Молодые деревья подчиняются старым деревьям, эти в свою очередь хозяину пади или сопки, где растут, а тот уже хозяину тайги. Звери распределяются между хозяевами отдельных урочищ, а рыбы между хозяевами рек. Не редки случаи, что хозяин одной горы проигрывает хозяину другой белок—этим об'ясняются массовые переселения белок из одной местности в другую, или хозяин одной речки, играя в карты с хозяином другой, проигрывает ему всю рыбу—этим об'ясняется исчезновение рыбы в данной реке.

Дух, божество, душа, хозяин—это одно понятие у большинства сибирских шаманистов и обычно обозначаются даже одним словом **эзи** у алтайцев, **эжин** у бурят. Душу, по их повериям, можно наблюдать, например, в момент

умирания человека или животного. „Что-то“ с последним вздохом выходит из живого существа, и живое становится безжизненным. Это „что-то“ и есть „душа, дух, хозяин“. Она уходит куда-то, в какой-то таинственный мир, мир духов, потустороннее царство, селение мертвых. Душу можно видеть. Бывает так, что спишь и во сне видишь, что пришел тебя навестить человек, который давно умер. Первобытный человек, ища объяснения такому явлению, отвечает себе так: „Душа моей бабушки или душа друга пришла навестить меня из того мира“. Иногда душу можно увидеть вечерней порой, в тумане над болотом, в сумраке леса, где хоронят мертвецов.... иногда духи являются и при обычных обстоятельствах; то, что культурные люди объясняют галлюцинациями, первобытные—действительным появлением привидений—выходцев с того света.

Все эти так называемые: „теория снов“, „теория смерти“, „теория произвольности совершающегося“, „теория страха и беспомощности“—формулированные Леббоком, Спенсером, Шурцом и др., как нельзя более, находят себе полное подтверждение в миропредставлении сибирского шаманиста.

Для него все, населяющее мир, делится на два человечества: реальное человечество и человечество духов; последнее живет особой скрытой от реального человечества жизнью, тайной для непосвященных. Души-хозяева, имеющиеся

в предметах обихода, в зверях, в деревьях, камнях и тому подобных незначительных объектах, не оказывают значительного влияния на жизнь первобытного человека. Зато души—хозяева гор, рек, озер, степей, леса, такие духи, как хозяин тайги, хозяин Ангары, **эжин** острова Ольхона относятся к разряду великих духов. От этих крупных духов и зависит все благополучие первобытного человека. Будут они к нему милостивы—дадут ему улов рыбы, пошлют зверей в ловушки—будет человек сыт. Рассердятся—охота будет неудачливой, буря порвет снасти, разобьет лодку, нашлют засуху, выжгут скотоводу траву—человека постигнут бедствия и голод. Важно обратить в свою сторону благорасположение существ, ведающих стихиями, от которых зависит благополучие человека. Для охотника самым важным является хозяин леса, для рыбака—хозяин вод, для скотовода—хозяин степи.

Если мы, люди высокой культуры, о неизвестном судим по известному нам, и образы наших божеств строим по своему образу и подобию, то тем более это свойственно первобытному человеку. О своих божествах он судит по самому себе и наделяет их всеми качествами, которыми сам обладает. Если его самого можно умиловить лестью, подарками, учтивым обхождением, то и божества, конечно, можно склонить в свою пользу тем же, т. е. славословием, обрядностью и жертвоприношением. Духи—божества тоже нуждаются в разных предметах и, главным

образом, в тех, которые несвойственны их стихиям. Например, дух озера Байкала в рыбе, конечно, не нуждается: он сам ее посылает рыбакам в сети, но молока у него нет, т. к. коровам не свойственно жить в воде. Поэтому ему брызгают молочным. Хозяин леса не нуждается в мясе, ему хорошо брызгать тарасуном или водкой и бросать табак. В этом у него как раз нехватка. Большинство духов вообще любит спиртные напитки и дорожит вещами из колониальных лавок—чаем, сахаром, сушками и т. д., т. е. всем тем, что любит сам первобытный человек. Но духи нуждаются и в скоте и в ездовых животных. Вот почему им приносят в жертву лошадей, баранов, посвящают оленей, быков. Животное закаляется на месте жертвоприношения, а душа его при соответствующем обряде, сопровождаемом славословием, отправляется к божеству, где присоединяется к табуну или стаду божества, состоящему из душ жертвенных животных, отправленных ранее. Духи-божества очень требовательны к людям и часто вымогают у них жертвы. Если человек долго не приносил жертву какому-либо божеству, божество может заставить принести, наслав на него болезни. Для этого божество посылает к неугодному человеку одного из подчиненных ему духов. Дух забирается во внутренности человека и начинает их грызть. От этого происходят разные болезни: заберется в грудь—сделается кашель, чахотка; заберется в живот—сделается грыжа, рези; за-

берется в спину—боли в пояснице, сухотка спины и т. д. Конечно, можно избавиться от такого непрошеного гостя, приняв горькое или противное лекарство—дух не вынесет и выскочит из тела человека. Но такой способ изгнания болезнетворного духа чрезвычайно опасен: рассерженный дух бросится на жену, ребенка, на скотину и неприятностей не оберешься. Гораздо надежнее избавиться от него путем умиловления, т. е. жертвой. Правильно принесенная и принятая жертва побуждает божество отозвать своего болезнетворного посланника.

Жертвоприношения бывают трех родов: I—умиловительные, когда человека постигло несчастье, и он просит духа помочь ему или избавиться от наказания, II—предупредительные, которые приносятся божеству заранее, чтобы оно было милостиво, заботилось о человеке и не насылало бед; III—просительные—у божества испрашиваются милости—урожай трав, охрана скота, приплод скота, удача на охоте, обильный улов рыбы и т. п. При помощи жертвоприношения первобытный человек стремится направить в свою пользу волю разнообразных существ, ведающих силами и явлениями природы. Ведь первобытный человек рассматривает природу, как проявление воли различных существ; он инстинктивно воспринимает события, по своему разумению их истолковывает и создает свою философию природы, **Для него религия—это одна из форм борьбы**

за существование. Во всем мире человек самое обездоленное, самое зависимое, самое беспомощное существо. Сознание себя царем природы — удел культурных людей, защищенных бесконечным рядом изобретений своего гения от влияний природы. Первобытный человек, дрогнувший в легком чуме при порывах снежного бурана, зависящий от удачи охоты, подверженный тысячам случайностей при своих скитаниях по тайге, беззащитный перед беспощадной „красной старухой“ — оспой, сметающей в короткий срок целые роды, не мог составить себе иного мирозерцания, как то, которое исходит из сознания своей слабости, ничтожности и зависимости. **Первобытный человек, по своему мирозерцанию, убежденный пессимист: в этой жизни он малый среди сильных.**

Приблизительно такого анимистического взгляда на природу придерживается большинство первобытных народов, но конечно, с разнообразными отклонениями и особенностями. Шаманство должно рассматривать, как одну из форм анимизма. Оно отличается от прочих религий анимистического порядка наличием характеризующего его жреца — шамана. Шаман — человек, получивший свой дар по наследству, могущий приходить по желанию в религиозный экстаз, во время которого он входит в общение с духами. Шаман — избранник духов, заключивший с ними договор о взаимной помощи; духи обязуются принимать шамана, вы-

слушивать и выполнять его ходатайства о нуждах людей; шаман в свою очередь обязуется приносить духам жертвы и снабжать их всем потребным. Шаман—посредник между людьми и божествами. Хотя он и совмещает в своей персоне жреца, предсказателя, врача и заклинателя погоды, но по существу он является только жрецом. Врачует он не заклинаниями или волшебными зельями, приготовленными им, по ему лишь ведомому тайному рецепту, а умилованием духов, жертвами и славословием. Предсказывает он не даром своего ясновидения, а откровением, сообщаемым ему духами. Заклинает погоду, вызывая бури, ветер, дождь и град не силой личного влияния или силой тайных волшебных заклинаний, а жертвой или просьбой, направленной к божеству, заведующему соответствующей стихией.

В этой характеристике шамана, как жреца определенной религии, выявилась достаточно отчетливо другая руководящая черта, отличающая шаманство от прочих анимистических религий— в шаманстве отсутствует магия. Магия, как власть человека над природой, власть, достигнутая им при помощи познания определенных заклинаний или волшебных снадобий. Сами боги не хотели бы подчиниться воле человека, но и они не могут противиться высшей закономерности, существующей в мире. Познав тайну этой закономерности, человек может направлять по желанию силы природы. Шаманист бессилен воздействовать на природу.

Конечно, в шаманстве есть много заимствований из других более сложных и развитых религий—нет в жизни явлений, развивающихся без влияния извне, но мы бы напрасно стали искать происхождения шаманства, как религии, в других странах или доискиваться основ его в религиях соседних народов. Шаманство—это самостоятельное религиозное миропонимание, которое было некогда распространено от Урала до Великого Океана и от Гималаев и Гинду-Куша до Северного Ледовитого моря.

Начало шаманства должно быть отодвинуто на громадное количество столетий, быть может даже в доисторические времена: кое-какие свидетельства и аналогии мы получаем даже из времен каменного века Сибири. Но во всяком случае и по историческим данным можно утверждать, что шаманство у монголов появилось задолго до начала нашего летосчисления.

Первой религией, столкнувшейся с шаманством и отвоевавшей у него значительные области, был буддизм, вышедший с юга из Индии и распространившийся через Восточный Туркестан. В XIII веке началось завоевательное движение ислама, шедшее широкой волной с юго-запада, вытеснившее шаманство из Туркестана и распространявшееся ханами Золотой и Синей Орды по киргизским степям и западно-сибирским татарам. Наконец и христианство, занесенное в Сибирь с запада ее покорителями—казаками, причинило ему немалый урон, особенно в

периоды наиболее активной деятельности миссионеров и ретивых администраторов.

Таким образом, шаманство наиболее цельно сохранилось в настоящее время в Сибири в ее полярной, центральной и восточной областях. Но народ всегда консервативен в своих религиозных традициях и как бы ни были вкрадчивы миссионеры, как бы ни были грозны администраторы, каким бы духовным и гражданским карам его не подвергали ламы и муллы—все равно в душе еще теплится искра прежней веры.

Шаманство исповедуют народы самого различного происхождения. Его придерживаются все палеоазиаты, все тунгусы и все монголы; даже турецкие племена, обитающие на территории Сибири, Восточного и Западного Туркестана и все финны, за исключением волжских, у которых ясных следов шаманства в их дохристианских верованиях не найдено. Знаменательным является тот факт, что формы шаманства у этих народов, столь разных по происхождению и по языку, настолько сходны, как в своих основных принципах, так порою и в деталях, что само собой напрашивается предположение о едином происхождении шаманства; невольно рождается гипотеза о каком-либо центре, где шаманство развилось из своего первообраза в сложную религию и оттуда распространилось по всей территории, которую оно занимало до столкновения с христианством, буддизмом и исламом. Самые последние исследования в области первобыт-

ной религии Сибири (А. В. Анохин, В. Н. Васильев, В. А. Михайлов, В. И. Анучин и др.) не только не опровергли этого никем еще определенно не высказанного предположения, но даже дают новые материалы для его обоснования.

Глава II.

Божества бурят.

Вопрос о едином главном божестве у бурят нельзя считать выясненным. Хан-Тенгери—главный владыка неба, встречающийся у многих народов южной Сибири, у бурят отсутствует. Равным образом отсутствуют божества, аналогичные Есю енисейцев, Аи-Тоёну якутов, Ульгеню алтайских турок, Нуму остяков и т. д., т. е. единым верховным богам, создателям мира и человека, удалившимся впоследствии на верхнее небо и не вмешивающимся в дела людей.

Согласно бурятскому представлению верховных божеств 99. Они делятся на живущих на юго-западном конце неба—55 благосклонных и благожелательных бурятам белых тенгеринов, и на живущих на северо-восточном конце неба—44 враждебных бурятам черных тенгеринов. Первоначально тенгерины жили мирно, но впоследствии рассорились из-за дочери одного из тенгери, которую звали Сэсэк (цветок). Самый старший среди западных тенгери—„Хан-Тюрмас-Тенгери“, ему подчиняются все остальные добрые божества. Следующий за ним идет „Эсегэ-Малан-Тен-

гери“ (небо плешивый дед), олицетворяющий собой ясное небо. Далее идет: „Гужир-Саган-Тенгери“ (небо белое, как солончак), олицетворяющий небо, покрытое легкими перистыми облаками; он посылает людям богатство скотом и потомством. „Галта-Улан-Тенгери“ (огненно-красное небо)—заведует сильным зноем и засухой. „Сахилагата-Будал-Тенгери—“заведует громом и молнией, защищает людей от злых духов, которых бьет огненною стрелою. „Будургу-Саган-Тенгери“, он зимою посылает мелкий и теплый снег, а летом мелкий дождь. „Мэндэри-Тенгери“, который заведует градом. Далее идут: „Долон-Хөхө-Тенгери“ (семь синих тенгери)—заведующих дождем „Гурбан-Халхин-Тенгери“—три божества, заведующих северными ветрами; „Гурбан-Эмершин-Тенгери“—три тенгери, заведующих южными ветрами и т. д. всего 55 добрых тенгери. Из оставшихся особо следует выделить производителя дождя—„Хуран-Нойона“. На юго-западном конце неба он имеет особое присутственное место, где стоят 9 бочек с водой. Если он откроет только одну бочку, то дождь идет трое суток.

Как видно из этого перечисления, буряты олицетворяют в своих божествах - небожителях явления природы, точнее явления атмосферного (небесного) происхождения. К добрым божествам относятся все явления, благодетельные для человека.

Зато северо-восточные тенгерины ведают враждебными человеку стихиями, которые буря-

ты связывают с появлением болезней, моровых язв, падежей скота и т. п. Из них отметим: „Гурбан-Манан-Тенгери“--три неба, производящие летние туманы; во время туманов на землю спускаются разные болезни. Со злыми северо-восточными „туманными тенгери“ борются постоянно благотельные западные „ветровые тенгери“. „Гурбан-Бөрөн—тенгери“ три неба, производящие осенние и зимние туманы. Во время тумана они тоже насылают на животных и на людей болезни. „Ехон-Шухан-Тенгери“ (девять кровавых тенгери); они ведают опустошительным градом, который выбивает траву и приносит громадный вред. „Харан-Будал-Тенгери“—(черный), производящий молнию. Далее идет ряд тенгеринов, не связанных с определенными стихиями, но все же обитающих на небе; надо думать, что и они некогда ведали своими стихиями, но народная память утратила об этом сведения. Сюда относятся: „Хожиринги-Долон-Тенгери“—семь Хожиринги-тенгери; они посылают различные болезни; один из них по имени Хамшин-Хара-Тенгери, насылает цынгу, чахотку и кашли; другой Ухэр-Хара-Тенгери—насылает болезни на скот; третий—Бомон-Хара-Тенгери насылает сибирскую язву и т. д. Особо стоит страшный „Ганзу-Тенгери“, насылающий бешенство на скот и на людей. „Охин-Хара-Тенгери“ насылает на мужчин и женщин бесплодие, болезни половых органов и вредит при родах. Наконец отмечу „Асаранги-Арбангурбан-Тенгери“—13 тенгеринов Аса-

ранги, покровительствующих черным шаманам и черным кузнецам. Остальные восточные тенгерины, дополняющие число до 44, характеризуются приблизительно такими же свойствами.

Все эти божества, как добрые, так и злые, живут, как обыкновенные буряты: женятся, выдают дочерей замуж, едят, пьют, гуляют на свадьбах и на вечерках, они имеют и многочисленный скот и табуны лошадей, состоящие из душ тех жертвенных животных, которые были принесены молящимися в виде просьбы или искупления. Они одеты, как и буряты, в халаты, ездят на конях, ссорятся и заключают союзы. Боги имеют жен—обычно одну и нескольких детей—обычно девять сыновей и одну дочь. Жизнь тенгеринов на небе, по представлениям бурят, схожа с жизнью богатого бурята на земле.

Кроме этих главных богов есть еще ряд второстепенных, так называемых „ханов“. Ханы являются детьми тенгеринов. По преданию, людей сотворили юго-западные тенгерины. Вначале люди не знали никаких болезней и доживали до глубокой старости. Но вот северо-восточные тенгерины напустили на людей злых духов, которые стали насылать болезни и поселять вражду. От этого люди стали болеть, рано умирать и вести между собой междуусобные войны. Юго-западные тенгерины отворили небесную дверь и увидели, что люди сильно бедствуют. Тогда они отправили на землю 9 своих сыно-

вей, которые уговорились со злыми духами размежеваться. Последние образовали северо-восточное ханство (северо-восточный хат), враждебное людям. Сыновья юго-западных тенгеринов образовали юго-западное ханство (юго-западный хат), покровительствующее людям. Из последних самым главным является Хан-Шаргай-Нойон, сын Эсеге-Малан-Тенгери, и „Буха-Нойон-Бабай“, родоначальник бурят эхиритов и булгатов.

Из северо-восточных ханов самым главным является „Эрлэн-хан“, сын одного из северо-восточных тенгери (Гужир-Тенгери). Его родной брат „Хан-Хото-Бабай“, хозяин острова Ольхона, очень чтится северными бурятами. „Эрлэн-хан“ ведает девятью сугланами (присутственными местами) и девяносто девятью темницами; в его распоряжении находится огромный штат писарей, посыльных, чиновников и слуг. Все это помещается где-то в подземном мире. Кроме того, в его распоряжении находится целый штат особых духов, которых он посылает за человеческими душами. Восемью присутственными местами и 88-ю темницами ведает „Хурмен-Эжин“. В присутственных местах судят души людей и разбирают их тяжбы, а в тюрьмах томятся заключенные в них человеческие души. Кроме того, есть еще самая страшная тюрьма, которою ведает сам „Эрлэн-Хан“ — „Эрлэн-хани-тама“; при ней находится присутственное место „Эрлэн-хани-суглан“, руководимое самим „Эрлэн-Ханом“. Деятельность Эрлэн-Хана сводится к тому, что

он отправляет своих духов помощников улавливать человеческие души.

Когда душа человека оказывается пойманной, ее заключают в темницу, где она мучается. Одновременно с этим человек, у которого похищена душа, сильно хворает. Приглашают шамана; последний, убедившись, что душа находится в ханстве Эрлэна, отправляется туда и стремится за выкуп (жертвоприношение) выручить душу. Если это ему удастся, человек выздоравливает; в противном случае человек умирает, и душа его продолжает томиться в тюрьме. Труднее всего освободиться из „Эрлэн-хани-тама“. Это учреждение привилегированное: сюда попадают только души тайшей, богатей, шаманов, старших в роде и вообще бурятской знати. Отсюда шаман хотя и может вывести душу, но должен оставить взамен свою. Не желая вечно томиться в страшной тюрьме, шаманы иногда оставляют взамен пациента душу одного из своих сородичей. Заметив такие поступки черного шамана (внезапную смерть сородича после выздоровления богатого пациента буряты об'ясняют этим) и не желая быть по очереди низведенными в темницу Эрлэна, буряты в прежнее время убивали шамана, клали его в осиновый гроб лицом вниз, закапывали в землю и забивали в грудь осиновый кол (осина считается поганым деревом). Этим сородичи избавлялись от преследования шамана, когда он после смерти долженствовал превратиться в духа.

Из северо-восточных ханов следует еще упомянуть об „Альбин-Хане“, которому подчинены чрезвычайно злые духи, насылающие на людей заразные болезни—оспу, тиф и т. п. Этим духам очень трудно умиловить: они вместе со своим начальником, Альбин-Ханом, гораздо злее и более жестоки, чем Эрлэн-Хан. У Альбина есть тоже свое присутственное место (Альбин-суглан), где не меньше чиновников, чем у Эрлэна. Повидимому, бюрократическое устройство русского управления оказало влияние на представление бурят о их божествах.

К восточным ханам относятся еще девять кровавых ханов, вредящих людям. Этот девяти-кровавый хат находится в постоянной вражде с благодетельным для бурят Ухан-хатом (водяной хат), относящийся к западному ханству.

Ухан-хат представляет собой благодетельное ханство водных духов-хозяев. Водные ханы спустились с юго-западного неба; часть их сделала себе мост из красных лучей. По этим лучам они снизошли на гору Сэмбэр-Ула, а отсюда отправились на дно моря. Здесь они вошли в предназначенную для них юрту; их было девять. Из юрты они вышли через дымовое отверстие и их стало двадцать семь.

Надо полагать, что они и дальше множились, так как в настоящее время Ухан-ханы являются властителями морей, рек, озер, вообще всех глубоких вод: это владетели водной стихии. Самый главный из них Уха-Лобсон (жена Ухан-

Дабан). Из остальных назову: Гохоши-Нойон — покровитель рыбной ловли при помощи лучения (жена Хельмеша-Хатун; гохо-шест, хельме-весло). Покровителем рыбной ловли при помощи сетей и невода является Гульмеша-Нойон (гульме — сеть); его жена Гурши-Хатун покровительствует ловле посредством морд (гур — морда). Далее идут: Гэрель-Нойон с женой Туя-Хатун (гэрель — зеркало, туя — луч — олицетворяют блеск воды и гладкую зеркальную поверхность); Гумге-Нойон с женой Гульбере-Хатун (гун — глубокий, гульбер — ящерица — олицетворяют повидимому глубину и быстротечность вод) и многие другие имена, которые опустим.

Кроме этих главных божеств существует еще ряд других, более мелких божеств; как-то хозяин земли (Дайда-Дэлхе-Эжин), хордуты, заяны, хозяйка озера Байкала (Аба-Хатан) и многие другие. От них также зависит в значительной степени благополучие бурята.

Каждому из них приносят жертвоприношения те бурятские роды, которые от них зависят. Эти жертвоприношения бывают родовые, тогда они называются тайлага, или индивидуальные от отдельных семейств, в таком случае они называются кырык. Тайлага устраиваются каждым родом по особому расписанию. Кырык устраивается или по случаю болезни, как искупительная жертва тому божеству, которое наслало болезнь или как предупреждение против возможности посылки болезни (предупредительная

жертва). Во время жертвоприношения приносится вино (тарасун—молочная водка), сметана, саламат и род простокваши. Но главная часть жертвоприношения—это животные: бараны и кони. Их закалывают, души их отправляются в потусторонний мир, где они присоединяются к стадам и табунам божества, состоящим из душ ранее пожертвованных животных. Мясо тут-же варится и с'едается—совместное вкушение с незримо присутствующим на обряде божеством; душа мяса тоже отправляется божеству.

Но перейдем к описанию отдельных мелких божеств, окружающих бурята в его повседневной жизни. Самую видную роль из них играет огонь. Ему воздаются особые заботы. Огонь—это доброе существо, живущее тут же в юрте у каждого бурята, в его очаге. Это добрый старичек, с ярко-рыжими волосами, в красном халате, зовут его Сах'яда Нойон или Гали-Эжин. У него есть жена Сахале-Хатун. Гали-Эжин вникает во все мелочи дома и охраняет его и всех домашних от козней разнообразных мелких духов-вредителей.

Он смотрит, чтобы духи не портили молоко, чтобы не прогоркла из-за их козней сметана, чтобы они не сгноили одежду в сундуках. Он охраняет детей в самом нежном колыбельном возрасте, когда всевозможные духи употребляют разнообразнейшие ухищрения, чтобы сгубить малюток. Зыбку с ребенком всегда ставят так, чтобы между ней и дверью находился очаг. Покуда он горит, ни один дух-вредитель не посмеет про-

никнуть ни через дымовое отверстие, ни через дверь: огонь забрасает его искрами, а этого духи очень боятся. Огонь — охранитель домашней святыни. Онгсны *) висят в правой, мужской половине юрты. К ним, как к священным изображениям богов-покровителей, нельзя подойти женам младших родственников, иначе произойдет непоправимое оскорбление божеств. Огонь тщательно блюдет эти заветы: ни одна бере (невестка) не смеет переступить „черту огня“ — линию, мысленно проведенную от дверей через очаг и дальше до стены.

Огонь — очиститель всего, что так или иначе осквернено. Через огонь проносят посуду, которая предназначена для жертвоприношений, через него же очищаются все люди, идущие на отправление религиозных обрядов. Посредством него же освящаются женщины по истечении после родовых или месячных периодов религиозной отчужденности. Он же принимает новых пришельцев в род: „молодая“ (невеста во время бракосочетания) совершает особый обряд кормления огня. Если огонь принял поднесенное — это знак, что вступающая принята в род. Всякий гость, войдя в юрту, закуривает от родового огня и тем приобщается к дому. Но как нельзя члена рода передать в чужой род, так нельзя и огонь передавать в чужой род. Поэтому чужеродец, выходя из юрты, должен выколотить огонь из трубки, чтобы не вынести его на улицу.

*) Шаманские иконы — изображения божеств.

Огонь—это родовое достояние. Когда строят новую юрту, то нужно совершить обряд перенесения огня из юрты отца. Таким образом, в каждой юрте горит тот огонь, который возжег родоначальник на своем очаге. При кочевках огонь нельзя оставлять на старом месте. Ему дают войти в две головни; головни засыпают пеплом и в таком виде перевозят на новое место. Здесь, прежде чем начать устраиваться, возжигают огонь и кормят его маслом, вином и мясом.

Огонь—это друг и охранитель дома. За это ему почет и воздаяние. Ничего нельзя съесть или выпить, не поделившись с огнем. Если закололи барана—первый пай дают огню. „Высидели“ котел тарасуна, первый пай льют на огонь. Приехал ли почетный гость, и ему подносят почетное блюдо, он первый пай посылает огню. Привезли из города лакомство, сели пить чай, обедать, решили подкрепиться тарасуном—первый кусок, первый глоток—огню. Когда с жертвоприношения возвращаются и приносят оттуда мясо от жертвенной скотины, сначала нужно совершить небольшое домашнее моление и покормить огонь от религиозной трапезы.

Воздавая огню уважение и благодаря его всячески за охрану дома, буряты, кроме того, особо за ним ухаживают и не делают того, что он не любит. Так с размаху нельзя бросать дрова в огонь—можно ушибить его. Нельзя ковырять в огне острыми предметами—можно выколоть ему глаз. Нельзя шалить с огнем—он оби-

дится; нельзя лить на него воду—это ему неприятно. Нужно лить масло, вино, жир—вообще все, что поддерживает горение, это его любимая пища. В огонь нельзя бросать сор—это оскорбит его; все, что дымит и воняет—огонь не любит. В огонь нельзя мочиться — это осквернит его. Огонь надо стремиться поддерживать неугасимым, давать жертвы и делиться всем, тогда огонь будет доволен и в благодарность позаботится о благополучии дома.

Огонь небесного происхождения; он сын верховного божества — Эсэгэ - Малан - Тенгери и младший брат Солнца и Месяца. В длинные, зимние вечера буряты любят слушать стариков-рассказчиков, повествующих о старине. В числе излюбленных повестей находится и красивая легенда о низведении огня: „В далекое прежнее время люди не знали огня. Они питались сырой пищей и мерзли зимою от стужи. Ласточка жалась над людьми. Она полетела на небо и влетела через дымовое отверстие в юрту Эсэгэ-Малан-Тенгери. Старик сидел у огня и курил. Ласточка схватила искру в клюв и взвилась кверху. Тенгери заметил похищение, схватил щипцы и хотел ударить по ласточке, но промахнулся. Удар пришелся по хвосту и рассек его на двое. Ласточка принесла огонь людям, но хвост так и остался у ней рассеченным“.

За огнем по степени важности следует поставить предков. Каждый предок, переселяясь в загробный мир, имеет весьма близкое общение

с божествами и таким образом, если пожелает, может оказаться ходатаем и заступником своего потомка, обитающего в этом мире. Предки, как существа благожелательные уже по своей натуре склонны оказывать потомкам покровительство. Но их заботы можно усугубить постоянными жертвоприношениями. Предки на том свете тоже нуждаются в различных предметах первой необходимости, особенно в пище и вине. Вот почему бурят не станет есть прежде, чем не пошлет пай предкам; не станет пить, прежде чем не „побрызгает“ предкам. Последнее делается так: если сидят на полу юрты или в степи, то из чашки отливают несколько капель на пол или землю и перечисляют всех предков, начиная от родоначальника и кончая последним из умерших (отцом или дедом), заключая обращение предложением вкусить напиток. Если сидят за столом, капают для предков на край стола. Если возвращаются с тайлага, предкам „брызгают“ в дымовое отверстие. Конечно, не эти жалкие капельки летят к предкам; капли остаются здесь — предкам препровождается душа напитков и яств. Душа этих пищевых продуктов является чем-то близким к духу, запаху или пару, идущему от пищи. Им-то и питаются предки. Из предков самым главным покровителем рода является родоначальник, а затем великие шаманы, бывшие членами данного рода.

Кроме этих божеств существует еще целый ряд богов, которые прежде были обыкновенными

людьми, но после смерти по тем или иным причинам, заслужили избрание тенгеринов и превратились в богов, получив звание заянов. **Заяны** бывают сильные и незначительные, добрые и вредоносные. Они, как и предки, играют значительную роль в жизни бурят. Большинство из них было раньше шаманами. Многие из заянов сами насылают болезни, другие излечивают их. Имеются и такие заяны, которые насылают болезни, а затем за жертвоприношение их исцеляют.

Предкам, великим шаманам, а также божествам, имеющим отношение к повседневной жизни бурят, как-то: богам-даятелям жизни, заянам-покровителям скота, защитникам от болезней и т. д. делаются священные изображения—**онгоны**. Онгон не должно себе представлять, как нечто имеющее самостоятельное значение, это совсем не то, что христианские миссионеры понимают под именем „идол“. **Онгон—это изображение какого-либо божества**, делаемое шаманом из дерева, шкурок животных или материи. Силою молитвы (призывания) и жертвоприношения шаман упрощает божество распространить свое естество и на данное изображение и покровительствовать юрте, где его изображение висит, а также вселяться в изображение, когда хозяин юрты будет к нему обращаться с молитвой. Таким образом, по идее онгон вполне аналогичен иконе. Онгонов очень много; они чрезвычайно разнообразны

в зависимости от традиций и легенд, которые связаны с данным божеством. Если божество было шаманом, его изображение привешивается к маленькому бубну; если у божества были звери помощники, шкурки зверей привешиваются к онгону. Иногда изображение божества вырезывается из дерева и оклеивается мехом. Если изображение рисуют на материи, то в центре человеческой фигуры пришивают, обычно, маленькую фигурку из жести, которая изображает душу божества. Когда нужно будет обратиться к божеству с просьбой, молящийся становится перед онгоном с чашкой саламата или тарасуна, произносит свою просьбу-молитву и брызгает на изображение растопленным маслом или вином. Душа (дух) жертвенного кушанья идет к божеству, а оно, вкусив принесенное в дар, т. е. приняв жертву, конечно, не сможет отказать просителю. Важно только, чтобы жертва была принята, а для этого надо произнести обращение—словословие согласно старинным обычаям по установленной форме. Эти призывания-словословия хорошо знают старики, передающие свои знания один другому из поколения в поколение.

Кроме того, у каждого рода есть свои **территориальные духи-покровители**, т. е. владельцы-хозяева той территории, на которой живет данный род. Этим хозяевам приносят ежегодно жертвы—устраивают тайлага. Зато они присматривают за скотом, когда тот пасется в степи, охраняют его от волков, от болезней;

ростит траву, наблюдает, чтобы кобылка не вредила травам, заботится и о самих членах рода. Вообще благополучие рода в очень значительной степени с ним связано. Как примеры таких территориальных богов, приведу Ухыр-Манхая в Кудинской степи, покровителя ашехабатских родов, и Танхына, покровителя родов, живущих на Ольхонском материке около Кутула. Оба они имеют пребывание на горах того же наименования.

К тому же разряду территориальных божеств относятся и **хозяева ключей** (источников). Северные буряты для орошения своих удобряемых лугов—покосов сооружают специальные оросительные системы—культурное достижение, которым не могут похвалиться их соседи русские крестьяне, у которых прекрасные сенокосные участки втуне пропадают под кочкарником, болотами или в лучшем случае под выгоном. Но чтобы на утугах получился хороший урожай трав, нужна и хорошая поливка. Последняя зависит от того, сколько воды в данном году даст питающий оросительную систему источник. Источники эти расположены обычно в горах, вода из них по специально выкопанным канавам спускается на утуги, где посредством маленьких канавок из магистрали распределяется по участкам отдельных хозяев. Буряты считают, что каждым ключем владеет особый хозяин (эжин); количество же воды зависит от степени благосклонности хозяина ключа к бурятам. Поэтому

буряты, заинтересованные в получении воды от данного ключа, совершают ему ежегодно, перед началом ирригационного периода, жертвоприношение. Обычно для этого дела отрягается несколько стариков, которые берут с собой барана или мясо, молочные продукты и тарасун и едут в горы к ключу. Здесь они „брызгают“ хозяину ключа тарасуном и устраивают совместное с ним вкушение жертвенного мяса. Ублаженный этим хозяин ключа несомненно должен дать много воды.

Наконец, к территориальным божествам относятся и **монголы**. По бурятским преданиям в Прибайкалье жил некогда народ „монголы“. Эти монголы откочевали на юг, после того, как выросло дерево—белая береза, никогда не водившаяся в этих местах. Пораженные невиданным явлением монголы запросили своего шамана, который так его об'яснил: „Белое дерево выросло—белый царь придет“. — „Не хотим быть под властью белого царя“—заявили монголы и покинули свои кочевья. Но души тех монголов, которые успели умереть в Прибайкалье, остались хозяевами мест, где стояли их юрты и, таким образом, образовалось целое сословие мелких территориальных духов. Каждый бурят, прежде чем построить юрту на новом месте, должен испросить на то разрешение у монгола, хозяина этого места. Такое разрешение, конечно, стоит жертвоприношения. Затем приходится выплачивать монголу нечто вроде арендной платы, устраи-

вая ежегодно жертвоприношения. Иногда попадают такие алчные монголы, которые вымогают постоянные жертвы у своих арендаторов: они насылают болезни на членов семьи, умерщвляют детей, вредят скоту. В этом случае остается единственное средство переселиться на новое место, и буряты не жалеют средств: они разбирают все постройки и переносят их на несколько десятков сажен в сторону к более покладистому монголу. Особенно свирепые „монголы“ обитают в Ольхонском крае: здесь почти все семейные невзгоды объясняются кознями и вымогательством „монголов“.

За территориальными божествами следует поставить **целое человечество разнородных бродячих духов**, незримо для людей населяющих землю.

Сюда относятся: бохолдой, анахаи, дахабари, ада, зя и му-шубун. Самыми свирепыми, пожалуй, являются **дахабари**. Это души женщин, умерших в муках от родов, от женских болезней, от дурного обращения и истязаний мужа, души старух, на старости лет оставшихся без забот и ухода; души злых и придурковатых женщин, к которым при жизни относились плохо их сородичи и родные, словом, всех женщин, которые провели тяжелую жизнь, а после смерти получили от богов особое право мстить людям за причиненное зло и обиды. Дахабари бродят по свету, стараются проникнуть в юрты, где есть маленькие дети и замучивают их до смерти. Они забираются в животик к младенцу и про-

изводят там невероятные боли; ребенок кричит и сучит беспомощно ножками. Они забираются в грудь и с'едают легкие; они душат ребенка и царапают его тело. Если шаману не удастся справиться с дахабари и умилоствить или изгнать ее—ребенок умирает. Часто на его тельце бывают видны царапины, кровоподтеки и ссадины—это следы рук дахабари. В защиту от них буряты установили ряд детских оберегов—юрта, где есть ребенок до года, обтягивается кругом зегом (зег—это веревка из конского волоса, к которой привешены деревянные кубышечки, изображающие религиозные предметы). Зега злые духи боятся и не смеют пройти под ним. В юрту не допускаются посторонние женщины, а также мужчины косые, уроды и придурковатые, т. к. за ними всегда увязываются злые духи и, скрывшись в складках их платья, могут проскочить под зегом. Ребенку дается какое-нибудь скверное имя, чтобы обмануть духов. Духи будут думать, если уж и имени хорошего не заслужил ребенок, то не стоит его улавливать (имена бывают такие: нохой—собака, багн—человеческий кал, эмэ-нохой—собачья самка и т. д.). Наконец, ребенок ставится под покровительство шамана. Шаман берет его под свою особую охрану и привязывает к детской зыбке какую-нибудь свою принадлежность—бич, нож, кинжал и т. п. Духи, видя шаманский предмет, знают, что в случае нападения на ребенка, им придется иметь дело с шаманом и избегают посещать таких детей.

Близкими к дахабари существами являются ада. Ада ест только очень маленьких детей. Она очень боязливое существо: как только ребенок подрастет настолько, что сможет поднять нож, ада уже боится к нему подходить. Ада похожа на маленького человека не более собаки ростом. Она покрыта шерстью, но брюхо имеет голое; у нее один глаз, да и то на лбу, и на каждой руке по три пальца. Ада очень боится филина. Чтобы избавиться от нее, хорошо держать эту птицу в юрте или хотя бы его перья. Аду можно убить: если это удастся, то распространяется запах лука. Если ада очень размножится, то приглашают шамана. Шаман или ловит ада и убивает их, или приготовляет вкусное кушанье, например, жареное мясо или саламат, складывает его в сосуд с крышкой и заманивает туда ада. Когда все ада соберутся в сосуде, шаман захлопывает крышку, выносит сосуд в степь и там все сжигает.

Кроме злых ада, есть еще и ада добрые. Они не только не вредят детям, но няньчат их, сторожат и пасут скот и берегут хозяйское добро.

Ада может вредить детям не старше года, но есть еще одно страшное существо—анахай: он вредит им до семилетнего возраста. Этот дух очень злой; он имеет вид человека, но с одним глазом во лбу; глаз светится, как у кошки; кроме того анахай может превращаться в разных животных—собаку, кошку, мышь, но и эти звери выходят одноглазые. Если анахая ударить,

он испускает невыносимую вонь. Анахая могут видеть только исключительные люди; этих людей он боится. Для своего жительство анахай избирает какой-нибудь улус, а иногда облюбовывает одну юрту. Поселившись, анахай начинает изводить всех детей сначала этого улуса, а затем соседних. Избавиться от него чрезвычайно трудно. Правда, анахай боятся огня, звона железа, оружия, выстрелов, боятся курения священной травы ханха (богородская трава). Любит анахай жирное жареное мясо. Поэтому возить этот продукт из того улуса, где поселился анахай, очень опасно. Анахай может увязаться за мясом и узнать дорогу в другой улус и тогда его не выживешь. Чтобы избавиться от анахая, можно пригласить шамана, который делается „найжи“, т. е. покровителем ребенка, получая за то соответствующее вознаграждение. Но еще лучше устроить на анахая загон. Для этого приглашается лицо, могущее видеть анахая. В степи поблизости улуса разводят огонь и начинают жарить жирное мясо, и даже жечь его. На запах тотчас является жадный анахай. Как только „ведун“ увидит его, он подает сигнал, загонщики начинают стрелять в анахая и долго гоняют его по горам и лесам. Напуганный анахай оставляет негостеприимный улус и переселяется в другой.

К тому же разряду вредоносных существ относятся и му-шубуны (му-шубун—дурная птица). В му-шубунов превращаются девушки, умершие, не удовлетворив свое чувство любви. Они име-

ют вид очень красивых девушек, но с ярко-красными губами, вытянутыми в виде клюва. Мушубуны являются обычно юношам где-либо в степи или на охоте, стараются обольстить их, склонить к любви, но, улучив удобный момент, проклевывают им череп и выпивают мозги. Чтобы скрыть свое уродство, му-шубун держит свои губы в рукаве. Кроме того, она держит под правой мышкой огниво. Если нападет му-шубун, надо поспешить вырвать у нее из-подмышки огниво—тогда она обессиленная рассыпется.

От умерших мужчин образуются бохолдои. **Бохолдой**—это призрак, привидение. Бохолдои, собственно говоря, безобидный народ; они бродят по свету толпами, любят пошутить над пьяными, например, завести их в болото, сбросить с коня, сбить путника с дороги и т. д. Они ведут совершенно праздную жизнь, любят устраивать вечерки где-либо в уединенных падах, или на склонах гор, или в открытой степи, подальше от жилья; здесь они пляшут национальный бурятский танец хатарха, но в отличие от обыкновенных людей пляшут, не замыкая круг хорова. В степях иногда можно видеть узкие полосы как бы примятой травы, имеющие вид причудливой извилины или незамкнутого круга. Это бохолдои притоптали ее во время пляски. Бохолдои любят собираться в пустых, заброшенных юртах, где устраивают попойки: пьют водку и тарасун. На своих сборищах, которые всегда бывают по ночам, они разводят огонь; огонь их

бледно-синий. Если кто-либо из живых людей украдет огонь духов, тот разбогатеет. Но огонь воровать у них трудно и опасно.

Гораздо более злокозненными являются духи—зя. Чтобы вызвать зя, шаман по особому заказу делает на лоскутке материи его изображение. Изображение рисуется краскою и вверх ногами и подкладывается злонамеренным лицом в юрту тому человеку, которому хотят причинить зло. Присутствие в доме зя быстро обнаруживается. На семью обрушиваются разные несчастия, по ночам раздается треск, кто-то тихо плачет. Но самое ужасное это то, что зя оскверняет своим присутствием дом; от такого дома никакие жертвоприношения богами не принимаются: во время совершения обряда зя появляется на крыше юрты в виде мертвой женщины. Лишенное защиты добрых божеств, семейство делается добычей всевозможных злых духов. Надо скорее звать шамана, который отыскивает изображение зя и сжигает его. Дух зя снова возвращается к сделавшему его шаману.

Таким образом, бурят - шаманист является окруженным со всех сторон массою злых духов-преследователей, так называемыми дахулами. В каждом улусе есть масса дахулов; толпами они бродят по степи, в лесу, всюду они стараются повредить буряту, отыскать момент, когда бдительность добрых божеств, покровительствующих бурятам, ослабеет, стараются напасть на ребенка, как на существо беспомощное и беззащит-

ное. Результатом их деятельности являются болезни и смерти бурят.

После смерти существо каждого бурята испытывает совершенно особую судьбу. Дело в том, что по представлению бурят, **каждый человек имеет три души**. Главная душа называется **алтан хунхэн** (золотая душа); эта душа после смерти отправляется в особую страну—селение мертвых, где души живут так же, как они здесь жили: пьют, едят, спят, ездят друг к другу в гости и на вечерки. Только дома там старинные, именно, семистенные юрты, какие строили буряты в старину и какие и посейчас можно найти в некоторых улусах. Души ходят в душах тех же самых одежд, в которых их похоронили; ездят на тех конях, которые были убиты на могилах, при похоронах и владеют теми вещами, которые были положены в гроб. Вот почему буряты торжественно снаряжают в могилу покойника: одевают в лучшую одежду, дают золотые и коралловые украшения, деньги, предметы первой необходимости. Вот почему они убивают на могиле лучшего коня, ломают седло и телегу (зимою сани): вещи убиваются, а души их отправляются в страну мертвых. Душа умершего одевает душу халата, подпоясывается душою кушака, седлает душу коня душою седла, берет в руки душу бича, а за пазуху засосывает душу трубки и едет в загробный мир. Там она будет питаться духом (душами) тех кушаний, которые потомки будут приносить им во время поминок. За это умер-

шие предки постоянно помогают своим потомкам; за дурные же похороны мстят. Вот почему буряты не жалеют ни лучшего коня, ни дорогих вещей для похорон; вот почему они постоянно поминают своих покойников. Иногда бывает, что дед или прадед затребует какую-либо из оставленных им вещей, например, колчан, сундук, шубу или что-нибудь в этом роде. Приходится и этот предмет отправлять в страну мертвых, для чего его или разбивают камнями, или сжигают; из убитой вещи освобождается душа и отправляется к своему прежнему владельцу в страну мертвых. Некоторые массовые бедствия вроде падежа скота или эпидемических болезней объясняются такими требованиями со стороны умерших и тогда устраивается торжественный, общественный обряд проводов и убиения старинных вещей. Куда-нибудь на высокую гору сносятся старинные вещи (целый музей бурятских древностей!!), их кормят на дорогу молочной пищей, поят тарасуном и затем избивают камнями.

Но не всегда душа алтан попадает в селение мертвых благополучно: еще при жизни человека за ней гоняется масса вредоносных духов. Так слуги Эрлэн-хана стараются изловить ее и доставить в темницу Эрлэн-хани-тама, где она будет вечно томиться; другие духи тоже устраивают на нее форменные охоты. Если им удастся ее изловить, они ее мучают, а в это время человек сильно болеет. Если шаману удастся розыскать украденную душу и вернуть ее в тело—человек

выздоровливает; не удастся—умирает. Душу алтан не трудно поймать. Она во время сна выходит из человека и странствует по свету. Все, что с ней случается, человек видит во сне. Если душа охотилась—он видит себя на охоте; если она ходила около воды, ему снится, что он бродил по берегу моря и т. д. Душу можно иногда видеть; она выходит из ноздри спящего в виде пчелы. Вот почему буряты никогда не убивают пчел, залетающих в юрты. Этими выходами души часто пользуются злые духи. Иногда они заставляют спящего чихнуть. Душа в это время вылетает из ноздри и они стараются ее схватить; но душа, увидя духов, старается спрятаться и избежать преследователей. Часто она ускользает на душе своего коня. Поэтому духи часто перед поимкой человеческой души стараются изловить душу коня, что тоже не легко, т. к. конь может укрыться у высших божеств. Спасаясь от духов преследователей, душа сама может скрыться у благосклонных божеств, например, у хозяина огня, Гали-эжина; он бросает в преследователей искры, чего духи боятся. Душа может спрятаться у онгонов или у кузнечных богов; последние бросают брызги раскаленного железа. Может скрыться под защитою предков или у старших сородичей. Наконец, она может искать защиты у животных: в гриве посвященного коня; в шерсти пороза, посвященного Буха-нойону, и даже у хорошей собаки или в следах домашних животных. Но если ей не удастся спастись, и

духи ее изловят, человек заболевает и, наконец, умирает. После такой насильственной смерти душа попадает к тому духу, который ее похитил— чаще всего к Эрлэн-хану.

Однако, не все похищенные души ждет печальная участь во владениях похитителей. Так души грамотных людей похищаются для какого либо небесного или подземного присутственного места, где они делаются писарями. Души хороших ремесленников тоже похищаются различными божествами для своих надобностей и в царстве похитителей продолжают заниматься своим делом. То же относится и к душам хорошо шьющих женщин. По мнению бурят умные люди: грамотеи, хорошие мастера и мастерицы—недолговечны, т. к. их похищают разные божества для себя.

Когда умирает человек, его душа трое суток блуждает около дома. Между тем, умершие ранее родственники и друзья устраивают веселие и праздник по поводу прихода нового сочлена в страну духов. Но душа не хочет сознаться в том, что человек умер и не хочет расстаться с телом. Она три дня продолжает держаться возле тела. На третьи сутки души родственников приходят за новопреставленной душой и, чтобы убедить ее в смерти, заставляют ступать на пепел своего очага и очагов ближайших родственников. Следов нигде не остается. Это убеждает окончательно душу в смерти. По верованию бурят, души ходят, хотя и по земле, но „немного

по верх“, т. е. не касаются ногами ее поверхности. От этого они не шелестят сухими листьями, не мнут травы, не оставляют следов, не ломают сухих веток при ходьбе.

Другая душа называется **бохолдой**. Она-то и превращается в того бохолдою, о котором говорилось выше.

Третья душа—**му-хунхэн** (му—плохой) постоянно находится в теле человека. Хотя она и является неотъемлемым существом человека, но она скорее может быть отнесена к зложелательным существам, чем к доброжелательным. Это она во время сна выходит из тела и душит человека, отчего случаются кошмары. Чтобы избежать кошмаров, буряты кладут возле изголовья нож, топор или огниво. Му боится железа и огнива и не выходит из тела. После смерти человека эта душа остается при теле и караулит его, пока оно совершенно не разложится. Ее можно видеть по ночам в виде синеватого огонька на могиле покойника. Вот почему буряты так долго выбирают место для дома. Можно, не зная того, выстроить дом на чьей-нибудь могиле и му покойника будет постоянно вредить хозяину дома. С этим поверием связано почитание „монголов“ — духов-хозяев места, о которых уже упоминалось выше. Когда тело истлеет, душа му превращается в вихрь. Внутри каждого вихря вертится дух--му; он имеет толстую голову, с одним глазом на макушке и тонкую нижнюю часть. От постоянного верчения в вихре дух в конце ис-

тирается и исчезает. Буряты опасаются вихря и остерегаются попадать в него.

Кроме этих трех душ каждый бурят имеет еще особого духа-покровителя „заяши“. **Заяши** сопутствует человеку от рождения и направляет его только на хорошее. Если человек прилежный и трудолюбивый—заяши радуется. Если ленится, ведет расточительный образ жизни—заяши сердится и уходит от человека.

У богатого человека заяши ездит на хорошем коне в богатом одеянии; у бедного заяши плохо одет и ездит на плохом коне, у бедняка заяши ходит пешком.

Глава III.

Шаман.

Нами был рассмотрен весь пантеон бурятских богов, начиная от самых главных небожителей и кончая целым человечеством мелких духов, одних злых и алчных, других благосклонных. Главные боги обитают далеко и мало вмешиваются в дела людей. Мелкие духи здесь, между бурятами, вмешиваются в повседневную жизнь, требуют бесконечных жертв, насылают несчастья, стремятся украсть душу. Правда, их жадность умеряют несколько духи-покровители, но и они даром стараться не будут и им „за работу“ надо дать что-нибудь. Но так просто дать нельзя. Надо преподнести торжественно по установленному обряду, произнести полагающееся при этом словословие, нужно еще отправить души жертвенных животных и яств так, чтобы они дошли по назначению: иначе жертвы пропадут даром. Еще более требовательны злые божества. Нужно уметь сноситься с божествами, только тогда можно кое-как бороться за свое существование. Для этого дела есть свои специалисты, люди, избранные духами, знающие обхождение с ними и мо-

гушие вступить с ними в общение. К таким избранникам относятся шаманы. Но прежде, чем перейти к ним, нам следует рассмотреть еще одно сословие—сословие кузнецов.

Кузнецы являются тоже избранниками богов. Дар кузнечить—божественного происхождения: им обладали тенгерины, как юго-западные, так и северо-восточные. У юго-западных белых тенгеринов имеется свой кузнец, по имени Божинтой. Юго-западные боги велели обучить кузнечному делу людей, и Божинтой отправил на землю своих детей—одну дочь Эйлик-Мулак и 9 сыновей. Девять сыновей Божинтой спустились на Тункинские горы, где и поселились. Здесь они обучили людей кузнечному ремеслу, искусству добывать железо, золото и серебро; ковать и обрабатывать металлы. Первые люди, выучившиеся кузнечному делу у божественных учителей, передали свои знания своим детям; те, в свою очередь, своим, и таким образом образовались кузнечные роды. Этим кузнечным родам покровительствуют юго-западные, т. е. добрые, белые тенгерины, почему и кузнецы называются белыми кузнецами (сагани—дархат). Имена сыновей Божинтой следующие: Дөльтө-саган-нойон—Белый князь наковальни; Бажир-саган-нойон—Белый князь молота, Ама-саган-нойон—Белый князь клещей и т. д. угля, горна, мехов и других кузнечных принадлежностей.

Но и северо-восточные черные тенгерины знали кузнечное искусство и имели своего куз-

неца—Хожир-хара-дархан. Его семь сыновей тоже обучили людей кузнечить. От этих людей образовались роды черных кузнецов (хара-дархат), которым покровительствуют северо-восточные тенгерины.

Кузнец, как и шаман, духовное лицо. Кузнецы выделывают шаманские принадлежности, причем не всякий кузнец может взяться за это дело, а только такой, который имеет „сильное кузнечное происхождение“, — т. е. числит в своем родословии могучих кузнецов.

Почитание кузнецов стоит в непосредственной связи с почитанием огня и железа, с которыми кузнец все время имеет дело. **Железо** имеет свойство отпугивать злых духов—нож, топор, коса, положенные около больного или спящего, предохраняют его. Духи боятся звона железа и бегут от него. Но особенно они боятся искр, летящих от железа. Вода, в которую было опущено раскаленное железо, имеет целебные свойства. К железу надо относиться с большим почтением. Например: нельзя перешагивать через лежащую на полу косу или топор. За такое преступление будешь наказан ломотой в спине. Железные вещи не полагается бросать небрежно или ставить в поганое место и т. д.

Но вернемся к шаману. **Шаманы**—это люди, убежденные в том, что они избраны духами; это люди, получившие свой дар или по наследству от отца, деда, прадеда или приобретшие его, вследствие особого желанья духов. Так, например,

если кого-либо убьет громом, то буряты считают его избранником небожителей: кто-либо из потомков может сделаться шаманом. Можно также выпить или проглотить что-либо или прикоснуться к чему-либо и тоже превратиться в шамана. В этом случае шаманская сила, незримо таившаяся в предмете, переходит в человека. Но эти „благоприобретенные“ шаманы и сравнительно редки и не имеют большой шаманской силы. Главное состоит в обладании „шаманским наследством“, „шаманским происхождением“, „шаманским корнем“—„утха“. Утха буквально значит стрела. Только шаманы, имеющие сильное „утха“, т. е. в своей родословной числящие могучих шаманов, могут быть сильными шаманами. Шаманами могут быть не только мужчины, но также и женщины. Шаманки-женщины (одогон) порою оказываются даже сильнее шаманов мужчин (бө).

По своему назначению, как шаманы, так и шаманки предназначаются быть посредниками между людьми и божествами. Шаманское призвание проявляется обычно еще в отроческих или в юношеских годах, в виде особого нервного заболевания, сопровождающегося галлюцинациями, разговорами с невидимыми для окружающих духами, вещими снами, иногда обмороками. Юноша ищет уединения, уходит порой на горы или в лес. Кроме того, в нем развивается особая потребность „камлать“, т. е. время от времени вскакивать, плясать и петь в такт пляске. Нес-

смотря на утомительность камлания (начинающий шаман обливается потом, тяжело дышит и обнаруживает все признаки сильной усталости), новый избранник чувствует значительное облегчение после сеанса. По объяснению стариков при начале камлания дух шамана предка (или иначе „дух дурения“*) входит в шамана. Для постороннего наблюдателя с этой минуты шаман делается совершенно невменяемым. У бурят в момент вхождения духа дурения шаман наклоняет туловище вперед, слегка расставляет ноги, опускает голову и быстро мотает ею слева направо и справа налево и издает громко рычащий звук: „абррр...!“ Момент вхождения духа дурения определяется у них тем же актом. После выхождения духа дурения шаман глубоко вздыхает, утирает полую халата пот с лица, но чувствует как бы значительное физическое и нравственное облегчение. Акт вхождения и выхождения духа дурения шаманы и буряты представляют себе очень реально: как только шаман забеспокоится и подает признаки того, что экстаз приближается, несколько присутствующих подбегают к шаману и спешно его распоясывают. „Запоясанным шаманить нельзя, — объясняли они мне — «он» может застрясть в брюхе и тогда очень худо будет шаману“. После выхождения духа дурения пояс возвращается шаману и он медленно подпоясывается. Этот мифический дух дурения или состояние религи-

*) Буряты шаманы переводят на русский язык акт вхождения в шаманское экстатическое состояние словом „сдурел“.

озного экстаза (выражаясь общеупотребительным языком) есть проявление шаманской силы. В чем последняя заключается—сказать пока невозможно.

Медиками она не изучена, да и едва ли можно ее изучить современными приемами; этнографы же могут только наблюдать и описывать явления. Но во всяком случае можно утверждать, что шаманская сила относится к разряду неизученных сил человеческого интеллекта, к тому же разряду явлений, как гипноз или факирство. Благодаря этой силе шаманы могут показывать свои „чудеса“, вроде плясания босыми ногами на костре, хождения босыми ногами по раскаленному железу, лизание горячей головни, проглатывание горячих углей и предметов, мгновенное охлаждение кипящей воды и многое другое в том же роде. Этой же силой без всяких медицинских приемов или лекарств они быстро исцеляют некоторые болезни (особенно нервные), на которые потребовались бы месяцы клинического лечения. Этой же неизученной пока силе они обязаны тем, что владеют своей паствой и являются руководителями религиозной мысли разноплеменных народов, населяющих Сибирь.

Среди широкой публики существует ходячее мнение, что шаманы в большинстве случаев шарлатаны, эксплуатирующие доверчивость инородцев. То же мнение иногда можно встретить в заметках случайных наблюдателей. Это совершенно ошибочно: для шамана его избранничество—тяжелая обязанность, повинность, наложенная

духами. Подростки принимают избрание весьма неохотно и иногда даже сопротивляются своему призванию. Родители, особенно в семьях малочисленных, пытаются порой даже удержать ребенка среди обыденной жизни. Как большое несчастье встречается семьей шаманский зов единственного сына. Но противиться призванию нельзя: или оно так сильно и настолько захватывающе, что подчиняет безропотно, или же приходится покориться, т. к. иначе заболешь и умрешь.

Шаман не знает покоя ни днем ни ночью; всегда его могут позвать и придется ехать в любую погоду за десятки верст. Дома шаман бывает редко: хозяйство его приходит в упадок, заработки его невелики, да и при неурегулированной жизни они в прок не идут. Шаманы обычно бедны. Лучше существуют шаманы, которые, не отделяясь, живут общим хозяйством с братьями. Шаманы обычно не долговечны и умирают лет 35—40. Они это хорошо сознают и смотрят на свое призвание, как на тягостное наследство, получаемое от предка шамана, вселяющегося в своего потомка в виде духа дурения.

После своего призвания (шаманского зова) молодой шаман не сразу делается полноправным шаманом. Некоторое время он должен пребывать в роли ученика. По старинным правилам он должен поступить в ученики к кому-либо из старых шаманов, присутствовать на его

священнослужениях, запоминать священные призывания—славословия, обращенные к божествам, познать названия всех божеств, их родословие (происхождение), их характер, особенности и места жительства и изучить, каким божествам какие приносят жертвы. Это продолжается года два три и больше. Во время совершения религиозных обрядов молодой шаман должен следить за порядком. Как знак достоинства, он получает кнут с кнутовищем из священного дерева хухей (горная таволожка), к которому привязываются разноцветные ленты, шкурки животных (белка) и колоколец. В это время шаман носит название кнутовщик (минаши). От времени до времени шаман-учитель экзаменует своего ученика, заставляя повторять тот или иной текст священного призывания и, если ученик ошибается, учитель бьет его все тем же кнутом. На обязанности шамана—ученика лежало в прежнее время поддержание порядка во время религиозных церемоний. Провинившихся минаши наказывали ударами кнута, на что обижаться не следовало, т. к. это считалось в порядке вещей.

Такое правильное обучение, которое можно назвать „школой шаманов“, происходило в старину. Теперь оно наблюдается значительно реже. Я встретился с этим явлением, в чистом виде, только у верхоленских бурят. В настоящее же время дело обстоит значительно проще: ново-явленный шаман начинает регулярно посещать религиозные обряды старых, посвященных ша-

манов, преимущественно пользующихся хорошей репутацией. Присутствуя в толпе, он внимательно прислушивается к молитвам, призываниям и словословиям, наблюдает технику совершаемых обрядов и запоминает детали. Обладая большой чисто первобытной памятью, не загроможденной европейской наукой и находясь в состоянии некоторого под'ема нравственных сил, молодой шаман запоминает довольно скоро все призывания даже со всеми непонятными ему старинными словами, тут и там встречающимися в словословиях и доступных только монголистам. Кроме того, молодой шаман поступает на выучку к старикам, обычно своего рода, хранителям традиций и религиозных сведений. В беседах с ними он узнает имена божеств, их родословие, места обитания, их характер и легенды, с ними связанные. Этот период обучения может продолжаться достаточно долго, иногда до двух лет. В это время считается, что душа шамана посещает особое учреждение, находящееся на небе—Иерен-хаше, где все вновь призванные к служению шаманы обучаются шаманскому искусству. Обучение ведут души прежде живших шаманов. Души черных шаманов (см. дальше) обучаются в подземном царстве Эрлэн-хана.

Но, повторяю, такое облегченное прохождение курса шаманской науки является изобретением последнего времени и вызывается помимо иных причин, главным образом, соображениями экономического свойства: работник все - таки

остается дома и может хоть несколько помогать в хозяйстве. Когда курс науки усвоен, назначается обряд посвящения.

Обряд посвящения—это очень дорого стоящая и сложная церемония; она является родовым делом, т. к. шаман, как член рода, представляет собой родовое достояние. Поэтому день для посвящения выбирается всегда в согласии со стариками рода, чтобы он был удобен для всех и чтобы больше народу могло съехаться. Описание всех подробностей шаманского посвящения заняло бы книгу солидных размеров, поэтому я дам здесь только самую краткую схему обряда шаманского посвящения. За несколько дней перед назначенным для посвящения днем, молодой шаман запрягает телегу, подвязывает коню большой колоколец, на телегу ставит березку, на которой навешаны платки, и в сопровождении старика начинает обезд будущей „паствы“. Начинает он с юрт своего улуса. Вехав во двор и привязав коня у коновязи, шаман входит в юрту и садится на почетном месте у очага. Хозяйка почтительно подносит ему тарасун, подносят и сопровождающему старику. Хозяин, посоветовавшись немного с женой, вынимает деньги и, сообразно силам и близости родства к шаману, платит ему—близкие рублей 5—10, дальние 1—3, не родня 1 р.—50 к. Шаман принимает деньги и передает их старику, тот прячет их в особую сумочку, висящую у него на шее. Оба встают, прощаются и выходят; во дворе садятся на те-

легу и едут до следующих ворот. Там происходит та же церемония. Об'ехав свой улус, едут в соседний. Улус полагается об'езжать, начиная со старшего в роде и далее, считая по старшинству родства, т. е. так, как стоят на тайлага. Это впрочем и целесообразно, т. к. юрты в улусе расставляются тоже по этому порядку. В установлении об'езда и сборов мы должны видеть указания на то, что дело посвящения шамана — дело общеродовое и что все без исключения должны принять в нем участие. На собранные деньги устраивается торжество; покупается вино для угощения богов и гостей и часть жертвенных животных. Другая часть последних жертвуется сородичами и приезжающими.

Утром в день посвящения или накануне молодежь отправляется в священную рощу (шаманку), где вырубает потребное для обряда количество берез. Духу—хозяину рощи в благодарность приносят жертву—живого барана, которого тут же колют или, если нужно торопиться, привозят вареное мясо и вино. Вырубленные березы расставляются в улусе шамана в следующем порядке. В юрту шамана, через дымовое отверстие, вставляется березка средней величины. Основание ее закапывается в землю около очага. Эта березка символизирует дверь в верхний мир. За улусом выбирается чистое место и на нем крепко вкапывают в землю большую ветвистую березу. Эта береза символизирует лестницу в верхний мир, по которой шаман совершает восхождение в жи-

лица верхних богов. Между „дверью“ и „лестницей“ протягивают, на высоте 2—3 сажений, шнурок, сплетенный из трех ниток: белой, синей и красной. Шнурок символизирует радугу, служащую также шаману для восхождения к небожителям. Для поддержки радуги от юрты шамана до места посвящения вкапываются в землю небольшие березки, стоящие на подобие телеграфных столбов. Кроме того, рядом с большой (главной) березой вкапывается ряд из 9-ти малых берез, на которые навешиваются шкурки зверей—зайцев, белок, горностаев, колонков и т. д.—будущих помощников шамана во время исполнения им религиозных обрядов. Тут же кладутся 9 березок малого размера и солома—для завертывания и хранения костей жертвенных животных.

Заблаговременно назначается особое лицо—„шаман-отец“. Если у посвящаемого шамана есть шаман-учитель, то он и исполняет роль шамана-отца, руководителя и главного распорядителя обряда; если такового не было, то один из ближних и почтенных шаманов его заменяет. Кроме того, избираются из ближайшей родни шамана 9 юношей; они называются „девять сыновей шамана“ и играют значительную роль в последующей жизни шамана.

Церемония начинается в юрте, где шаман-учитель и молодой шаман шаманят в первый раз. Сущность этого момента сводится к обращению (призыванию) к различным божествам с просьбой способствовать правильности течения обряда

посвящения. Тут же присутствуют и „девять сыновей шамана“, на которых в течение всего обряда посвящения лежит обязанность помощников и блюстителей порядка. По окончании призывания шаман-отец, сыновья шамана, старики и все присутствующие выходят в дверь; сам же шаман должен подняться по березе на крышу и по „радуге“ дойти до места посвящения. „В прежние время“ — говорили мне буряты: „шаманы так и делали, но теперь вера ослабела и они уже не могут ходить по воздуху“. В настоящее время шаман, просто, идет впереди всего шествия под радугой к месту посвящения, куда все дальнейшее действие и переносится. Прежде всего надо очистить самое место и все предметы от оскверняющего прикосновения женщин. Женщины у всех шаманистов, как впрочем и в большинстве религий, считаются существами „нечистыми в религиозном отношении“. Им запрещается ходить на священные места, присутствовать на целом ряде жертвоприношений, касаться шаманских и священных предметов, т. к. они осквернят своим присутствием или прикосновением религиозный обряд, место или предмет. Разгневанное божество не преминет отомстить тем, кто допустил такое поругание.

Жертва же из сосуда, к которому прикасалась женщина, не только не будет принята, но божество будет оскорблено принесением оскверненной жертвы. Поэтому, прежде чем будет приступлено к началу обряда, подлежит все

очистить, освятить и тем устранить вредное влияние.

Место—по нему ходили женщины, скот—его трогали женщины, посуду—ее употребляли женщины, войлок—его делали женщины. Один из распорядителей церемонии берет в руки сковородку или лист железа, кладет на него уголья и „богородскую траву“ с „вереском“ (*ledum palustrae*) и обходит девять раз, окуривая место посвящения. В середину места в это время уже собраны все жертвенные животные, которые т. обр. тоже очищаются. За распорядителем идут гуськом 9 сыновей шамана, которые несут белый войлок, корытца, чашки и прочие предметы, долженствующие принять участие в обряде.

Когда это очищение закончено, приступают к омовению (очищению) шамана. Омовение производится кровью и водой. Шамана сажают на чистый войлок, специально изготовленный для посвящения и обнажают до пояса. Затем берут молодого белого козленка и поднимают над головой шамана; быстрым ударом вонзают кинжал в бок козленку, из которого струей начинает бить кровь. Этой струей 9 раз по кругу поливают шамана. Затем козленка пускают бежать.

Молодежь устраивает за ним погоню: кто поймает, того и козленок—тот будет сегодня угощать приятелей его мясом. Омовение кровью произведено. Приступают к омовению водой. Перед шаманом ставят шайку или котел с водой; в воду кладут „богородскую траву“ (ханха); ино-

гда воду подогревают. За этой водой ездили куда либо в горы. Ее полагается брать из трех ключей, преимущественно из тех, которые питают оросительные каналы, обводняющие утуги. Хозяевам ключей надо тоже выкуп: в ключи льют тарасун. Для обряда омовения собираются по пути возвращения с ключей молодые березки, недавно вышедшие из семян, иногда они заменяются пучками осоки. Перед началом церемонии омовения водой 9 сыновей шамана становятся в ряд, макают березки, собранные у ключей, или пучки осоки в освященную воду и бьют ими по голой спине шамана. Омовение продолжается до тех пор, пока кровь с шамана не смывается.

После окончания обряда омовения шаман дает обет следующего содержания: „к бедному идти прежде, чем к богатому. Брать то, что дают, и ничего не требовать самому. Заботиться о бедных, молиться о них и быть их заступником перед богами“.

После произнесения обета на шамана одевают белую рубашку, и он отправляется в круг, где его ждут старые шаманы и многочисленные гости, с'ехавшиеся на торжество посвящения. Присутствуют, конечно, только мужчины. Женщины, а главным образом девушки, которые тоже будут выполнять свою роль в общем обряде, на место посвящения, конечно, не допускаются. Они взбираются на крыши сараев, юрт и из этого почтительного далека наблюдают за церемонией.

Между тем, около лежащих берез и соломы начинается производиться заклание жертвенных животных. Одно животное за другим напутствуется в дальний путь; ему мажут „саганом“ (молочными продуктами) лоб и губы, после чего его закалывают старинным способом — разрезанием кожи под грудной костью, просовыванием в образовавшееся отверстие руки и разрыванием аорты. Мясо животных отправляется в котлы, где варится (каждое животное в особом котле) и потом вкушается во время совместной трапезы с божествами. Кости же тщательно очищаются от мяса, собираются по отдельным животным, раскладываются приблизительно в таком порядке, как они были расположены в животном, и заворачиваются в солому — каждое животное особо.

Такие соломенные пакеты привязывают при помощи жгутов, сплетенных из той же соломы, каждый к одной из лежащих берез, после чего последние водружают тут же неподалеку. Души всех жертвенных животных (исключительно кони и бараны), отправляются к различным божествам, которые впоследствии будут принимать шамана и оказывать ему содействие, снисходя к его просьбам. Там они приобщаются к стадам этих божеств. Небесные стада и табуны состоят из душ животных, принесенных разновременно божествами в жертву.

Но вернемся на главное место. Здесь широким кругом толпятся многочисленные с'ехавшиеся гости. Среди присутствующих особого по-

рядка нет, все толпятся и каждый старается вылезть вперед, чтобы лучше видеть. 9 сыновей шамана исполняют роль блюстителей порядка. Они расхаживают внутри круга и энергично осаживают толпу, пуская, в случае надобности, в ход кулаки. Если же в одном месте народ сильно выпрется вперед, кто-нибудь из них хватается первого попавшегося из провинившихся за шиворот и пускает его с размаху в толпу. Толпа пятится, люди, смеясь, почесывают ушибленные места; никто не сердится, т. к. такой распорядок считается установленным испокон века.

Первым шаманит шаман - отец. Он входит в круг, впускает в себя духа дурения, откидывает назад конные трости (их ловко на лету ловят «сыновья шамана»), подскакивает, распластывается в воздухе и падает на землю. „Сыновья шамана“ его поднимают, ставят, он приходит в экстаз; ему подаются конные трости и он некоторое время шаманит. Затем он подходит к большой березе и начинает взбираться на нее. Взбирается он с закрытыми глазами, как впрочем, должны протекать все шаманские действия, при чем лезет не прямо, а винтообразно, с тем расчетом, чтобы, добравшись до вершины, он проделал девять оборотов. Пока тело шамана поднимается по березе, душа шамана поднимается в верхние миры. Каждый оборот на березе соответствует прохождению одного неба. С березы шаман повествует о видимом им на небесах. Побывав на девятом небе, шаман пускается в обратный путь. Тело

его винтообразно девятью оборотами спускается с березок. В старину, говорят, шаманы спускались вниз головой, но теперь этого не делают. У основания березы «сыновья» держат на воздухе шаманский войлок, в который принимают шамана и ставят его на землю. Вслед за шаманом - отцом выступает вновь посвящаемый молодой шаман. Он проделывает все действия, которые только что проделал шаман-учитель. За молодым начинают выступать прочие, приехавшие на торжество, шаманы. Чем больше съехалось шаманов, тем почетнее обряд посвящения. Шаманы все больше и больше входят в экстаз. Бывают моменты, что в кругу шаманят два—три шамана сразу, и один поет на березе. Получается разноголосица, мало, впрочем, смущающая зрителей, обращающих главное внимание на внешнюю сторону обряда.

Часа через 3—4 возбуждение шаманов начинает ослабевать. Многие выступали уже по несколько раз. Все чаще и чаще они отправляются к большому чану с тарасуном и подкрепляют падающие силы.

Вечереет. Редуют ряды зрителей. Тут и там раскладываются костры. Молодежь заводит хороводы и затягивает песни. Гаснут последние лучи догорающего заката; громко и уверенно раздается пение. В плотно сомкнутых кругах плавно в такт пляске, движутся парни и девушки. Долго сдерживаемое днем веселье вырвалось наружу. Плясать хочется, плясать надо! Сегодня

на торжество посвящения с'ехалось много незримых божеств. Они привязали своих незримых коней к коновязям и тут же веселятся среди молодежи. Если будут плохо плясать,—богам будет скучно, невеселые уедут домой, а это худо. „Не видишь их?“—говорил мне шаман Варнак Турлаков:—„вон трое внутри круга пляшут. Смотри сюда! Не видишь? Тебе не увидеть!!“—говорил так убежденно, что я не должен был усомниться, что он-то видит.

До утренней зари пляшет молодежь. Упавшие силы подкрепляются чашкой тарасуна. С рассветом затихают последние песни; с закатом начинается снова веселье. Так надо веселиться 9 дней. Последние дни дело идет с трудом. Гости почти раз'ехались, остались свои. При помощи вина подбадривают силы и стараются веселиться хоть несколько часов. Но вот и девятый день прошел. От праздника остаются только увядшие березы на степи, еще много лет говорящие проезжим, что в этом улусе был посвящен шаман.

Этим посвящением не ограничиваются шаманы. За первым следует второе, третье и т. д. Каждое последующее посвящение переводит шамана в высший ранг, но зато и обходится дороже. Кроме того, к многократно посвященному шаману боги требовательнее и строже наказывают за ошибки. Поэтому большинство шаманов ограничивается одним посвящением. Всех посвящений, согласно данным М. Н. Хангалова,

должно быть девять. По моим изысканиям—пять. После каждого посвящения шаман получает новые атрибуты—принадлежности своего шаманского дела. Давая здесь свою схему постепенного приобретения шаманского сана и знаков шаманского достоинства, я должен оговориться: схема выработана в значительной части по опросным данным о тех обрядах, которые сейчас не совершаются и воспоминание о которых хранится в сокровищнице народной памяти; в ней можно ожидать неточностей, которые только дальнейшие исследования исправят.

Стадия посвящения.	Шаман получает.
I посвящение . .	Деревянные конные трости и меч; звание—бö.
II посвящение . .	Бубен с колотушкой и часть облачения (оргоя), шаманскую корону.
III посвящение	Железные конные трости, корону и полное облачение.
IV посвящение .	Деревянные человеческие трости.
V посвящение .	Железные человеческие трости; звание—зарин.

Прежде, чем перейти к обзору шаманских принадлежностей, отметим, что у бурят (то же отмечено и у якутов) существует два типа шаманов: белые и черные. Белые шаманы являются служителями юго-западных, благосклонных к людям божеств. Они являются людьми доброжелательными, их принимают всюду с радостью;

они носят белую одежду. Черные шаманы—служители вредоносных северо-восточных божеств, а также духов подземного мира—являются людьми зложелательными, от которых можно ожидать всевозможных поступков, связанных с нанесением вреда. Они носят синие одежды. К ним приходится обращаться в случае, если болезнь или иная напасть произошла по воле восточных божеств или Эрлэн-хана. Но есть шаманы, которые совмещают в себе черного и белого шамана.

Принадлежностями шамана являются следующие предметы: **конные трости**. Они имеют вид двух палок с лошадиными головами. На голове ясно обозначены уши, глаза, нос, рот; к шее, на которой иногда обозначается грива, прикрепляется кольцо для привязывания цветных лент—символ узды; ниже прикрепляется маленькое железное стремя, копьё или меч и полые железные конуса холбого. Сюда же привязываются колокольцы, шкурки белок, горностаев, хорьков—зверей помощников шамана, а также цветные платки—подарки. Нижний конец трости снабжен коленом и копытом коня. Во время камлания одну трость, которая подлиннее, держат в правой руке, другую покороче—в левой. Душа каждой трости—настоящий конь. Когда шаману приходится по долгу своей профессии отправляться в довольно далекие путешествия—в подземный мир, в темницу Эрлэн-хана, за похищенными душами или в присутственное место Сайтинских богов (где-то

за Байкалом), или еще куда-нибудь—его душа выходит из тела; одновременно с этим из конных тростей выходят их души—настоящие кони. Душа шамана вскакивает на одного из коней и мчится по назначению. Другой конь бежит рядом; когда первый конь устанет, шаман перескакивает на запасного коня, а первый бежит налегке и отдыхает. После третьего посвящения шаман получает конные трости, сделанные из железа, а после четвертого человеческие трости, сделанные из дерева. Такая трость имеет на верхнем конце человеческую голову, а внизу ступню; немного повыше ступни должно быть изображено колено. Наконец, в последнем высшем посвящении шаман должен получить железные человеческие трости. Как деревянные, так и железные трости обвешивались звериными шкурками, лентами, колокольцами и холбого. Деревянные трости делают старики при особо торжественных обрядах. Железные делают кузнецы. Но не всякий кузнец может выковать шаманские принадлежности. Кузнецы, подобно шаманам, имеют свои кузнечные роды, которым покровительствуют особые кузнечные боги. Кузнечный дар и знания передаются по наследству: звание кузнеца связано с религиозным почитанием. Шаманские железные принадлежности могут сделать только кузнецы, имеющие „сильное кузнечное происхождение“, т. е. числящие в своем родословии ряд знаменитых кузнецов. Заказ и передача кузнецом шаманских принадлежностей

тоже совершается при особом религиозном обряде.

Кроме конных тростей шаман получает при первом посвящении **мечи**, один или более. Эти мечи служат ему в борьбе со злыми духами, нападающими на шамана во время его странствований в потустороннем мире. Шаман колет враждебных духов мечами, чего духи чрезвычайно боятся и бегут, предоставляя шаману свободный путь. В старину (да и теперь кое-где) мечи делались на заказ у кузнецов. В настоящее время шаманы предпочитают покупать в городе старые чиновничьи шпаги, которые носят на красной ленте через плечо. Такие „мечи“—нововведение.

При втором посвящении шаман получает часть своего облачения (оргоя), корону, украшенную рогами изюбря, и бубен с колотушкой.

Когда-то **бубны** были в широком распространении у бурят. Теперь они не употребляются почти совсем, заменившись всецело конными тростями. М. Н. Хангалов еще 40 лет тому назад мог встретить всего один бубен, да и то у одного очень незначительного шамана. Я нашел бубны только у двух аларских шаманов, которые в настоящее время уже умерли. Прекрасный бурятский бубен из Аларского аймака хранится в Иркутском музее. Он является по своим характерным признакам типичным турецко-монгольским бубном и представляет собой круглую обечайку, шириною в 18 сант. при диаметре в 68×61,5 см.

На наружной поверхности обечайки наложены семь конусов—резонаторов. Бубен с одной стороны обтянут конской кожей, которая покрывает наружную поверхность обечайки и конуса. Внутри бубна находится деревянная крестовина для держания. Никаких рисунков на бубне нет. К бубну полагается колотушка. Барабаня в бубен, шаман созывает своих духов-помощников. Бубен и конные трости—предметы одного порядка: на душе того животного, шкура которого натянута на бубен, шаманы совершают поездки в потусторонние царства.

При третьем посвящении шаман получает полное **шаманское облачение** (оргой), состоящее из халата—белого у белых шаманов и синего у черных шаманов. Халат обвешан шкурами зверей и железными фигурками зверей—души, как тех, так и других являются помощниками шаманов и исполняют всевозможные его поручения.

Все свои принадлежности шаман хранит в особом ящике на ножках, называемом **ширэ**—престол.

Обязанности посвященного шамана очень сложны. Во всех трудных случаях жизни буряты шаманисты обращаются к его помощи: потерялась скотина или лошадь—просят шамана поворожить и узнать, где она. Нужно сделать священное изображение божества (онгон)—приглашают шамана; он и „иконописец“ и освятитель изображения. Заболел кто-либо, зовут шамана совершить искупительное жертвоприношение—кырык. Случился падеж скотины—зовут шамана.

Болеет ребенок—опять зовут шамана; он изгоняет вредящих духов или откупается от них жертвой. Он же становится духовным покровителем и защитником ребенка.

Шаман вечно в раз'ездах; редкий день он может провести дома в кругу семьи. Особенно много выпадает на долю шамана работы в периоды эпидемических заболеваний. С раннего утра приезжают клиенты за шаманом и увозят его совершать требы. В то время, как он совершает требу у одного клиента, следующий тут же дожидается и тотчас по окончании богослужения увозит шамана к себе. Там его встречает третий, и так идет дело целый день. Я не раз бывал очевидцем, когда шаманы от переутомления, отягченные выпитым тарасуном и водкою, засыпали во время исполнения требы. Но это не смущало хозяев: они трясли шамана за плечи, тормошили, всячески приводили в чувство, и он вновь начинал бормотать священные слова и славословия богам, продолжая ритуал. Постоянные поездки, неурегулированная еда, вкушение „совместно с божествами“ больших доз вина—подрывают его физические силы. Частое прихождение в экстаз и связанная с ним нервная работа подрывают нервную систему. Вот причина, почему шаманы резко выделяются своим внешним видом среди своих соотечественников, вот причина их ранней старости и смерти.

Хоронят шаманов очень торжественно. Это сложная и многолюдная церемония. Отпевают

шамана три дня. После этого тело шамана сажают верхом на его лучшего коня, обрядив в его лучшие праздничные одежды. С ним вместе везут и все шаманские принадлежности. От'ехав несколько от улуса, вынимают из шаманского колчана стрелу и из шаманского же лука стреляют в направлении к улусу шамана. Похоронная процессия движется куда-либо на гору к священной роще „шаманке“ месту успокоения всех шаманов данной округи. В этих рощах нельзя рубить деревья, даже собирать хворост. Нельзя останавливаться, раскладывать костры, пасти скот или коней, собирать там ягоды и даже ходить туда без особого дела. Эти рощи должны быть неприкосновенны. На опушке таких рощ раскладывают огромный костер, на который кладут тело шамана. Бубен его протыкают ножом и вешают с прочими принадлежностями на деревья. Коня закалывают вблизи костра. После этого костер поджигают и удаляются, не оглядываясь назад. На обратном пути отыскивают шаманскую стрелу, привозят в улус и втыкают в стену внутри шаманской юрты. Этим актом шаманское наследие, шаманский корень—утха—возвращается вновь со стрелой в род шамана и шаманский дух вновь должен возродиться в ком-либо из его потомков.

На третий день вновь приходят к месту сожжения шамана собирать пепел от его костей и складывают в мешочек—белый—кости белого шамана, в синий—кости черного шамана. За-

тем заходят в рощу и вырубают в стволе большой сосны дупло, при чем верхний слой древесины вместе с корой снимают целиком так, чтобы она образовала род крышки. В дупло укладывают мешочек с костями, задвигают крышку и забивают ее гвоздями. Через несколько лет следы сделанного дупла зарастают и в стволе скрываются навсегда останки шамана, а дух его, живя в потустороннем мире, делается духом, защитником своих сородичей. Ему брызгают, возносят молитвы, приносят жертвы и устанавливают наконец специальный день, когда весь род приносит ему коллективную жертву. Умерший шаман постепенно превращается в горного старца, горного духа и тем еще больше увеличивает и без того разросшийся пантеон бурятских божеств.

Но наследственность действует неуклонно и в роду шамана снова кто-нибудь из его потомков зашаманит, и народится новый шаман или шаманка. Получается полная преемственность. Колесо религии снова начинает вертеться своим установленным ходом.

З а к л ю ч е н и е.

Так велось издавна. Так продолжалось очень долго. Но вот около 300 лет тому назад появились на вольных степях Бурятии новые пришельцы—слуги белого царя. Хищной толпой на лодках с огнестрельным оружием двинулись они по рекам, поднимаясь все выше и выше. Они сначала обложили бурят ясаком, потом отняли у них лучшие земли и нанесли много обид и утеснений. С ними вместе пришли их служители культа и стали распространять новое учение—веру белого царя. Они об'явили жестокую войну старой вере, идолами называли шаманских богов, самую веру поганой и презренной и не хотели признавать ни древних священных мест, ни священных рощ, ни источников-аршанов. Ничего, конечно, нет удивительного в том, что вера утеснителей успеха не имела, тем более, что новые проповедники службу вели на церковно-славянском языке и молитвы твердили еще менее понятные, чем шаман. И хотя белый царь и тратил народные деньги на оплату миссионеров и постройку церквей среди бурят, крещеных было очень немного. Да и крещеные смотрели на церковь, как

на тяжелую повинность, где за регистрацию браков, рождения и смертей приходилось платить специальный налог. Обычно после брака в церкви православные буряты совершали дополнительный обряд по шаманскому ритуалу у себя в улусе, а полученные в церкви иконы ставили на полку под онгоны. Когда же онгонов кормили маслом и вином, сметаной и саламатом, часть жертвоприношений попадала и ликам святых. Православным миссионерам деятельно помогала администрация, давая крещеным разные преимущества. Сами миссионеры прибегали к подаркам, наградам и проч. мерам поощрения. Они даже способствовали похищению чужих жен, лишь бы похититель и беглянка крестились. Всякий не желавший платить калым мог уговорить свою невесту креститься; крестился и сам, после чего священник венчал молодых в церкви, а за крещеную калыма не полагалось. Но все эти мероприятия мало действовали. Переходили в православие только единицы, да и те лишь на бумаге, в душе и на деле оставаясь шаманистами. Дети же их обычно оставались даже некрещеными.

Но если мало успеха имела проповедь православия и последние его остатки испарились из степей под влиянием революции, то большие завоевания делает ламаизм. Ламаизм уже давно зашел из Монголии в Забайкалье и оттуда шаг за шагом завоевывает себе новые участки. Еще задолго до революции царское правитель-

ство било тревогу и посылало ревизоров узнать, по каким причинам буряты переходят в ламаизм и не желают переходить в православие. Причина лежала в том, что православные священники были чуждым и совсем бесполезным бременем в бурятской среде. Взимая налоги за требы, они не приносили никакой пользы. Между тем, ламы были свои: это те же буряты, надевшие торжественные священнослужительские одежды. Ламы-миссионеры говорили на родном языке. Они отменили дорого стоящие жертвоприношения конями и баранами. Они бесплатно лечили всех обращавшихся к ним за медицинской помощью и явились для бурят—народа, любящего лечиться,—кажушимися благодетелями.

Ламы миссионеры мягко подходили к новой пастве. Почтительно ставили молитвенные чашечки и вешали хадаки на священных местах, не оскорбляя тем святынь народа, которому несли новые идеи. Мягкой проповедью боролись с кровавыми дорого стоящими жертвоприношениями, заменяя их зерном и курительными свечами. Малопонятные народу шаманские призывания заменили еще более непонятными молитвами по монгольским или тибетским книгам, но зато принесли глубокие знания тибетской медицины, исцеляя недуги. Без насилия, без заманчивых обещаний административных наград, без грозной помощи „начальства“ шла ламская миссионерская деятельность. Все глубже, все более цепко охватывал ламаизм бу-

рятский народ. Количество лам и дацанов росло непрерывно. Черная вера—шаманство, эта наивная первобытная религия, отмирала сама по себе, не удовлетворяя уже исканий выросавшего бурятского народа; на смену шел буддизм в лице своей разновидности—ламаизма. И недалеко уже было то время, когда вся Бурятия должна была быть охвачена „желтой верой“, смелую и предприимчивую мысль бурята сковал бы религиозный трафарет и большая часть мужского населения занялась бы непроизводительной работой—чтением священных книг, верчением молитвенных мельниц и произнесением бесчисленного количества молитв на непонятном языке. Такую усыпленную буддизмом страну мы могли видеть по соседству с нами. Это Монголия, но Монголия не сегодняшняя, а Монголия вчерашнего дня, не разбуженная еще мощной встряской последних годов, не втянутая в мировую пролетарскую революцию. Победоносному шествию ламаизма по степям Бурятии положило конец революционное строительство молодой Бурятской Республики.

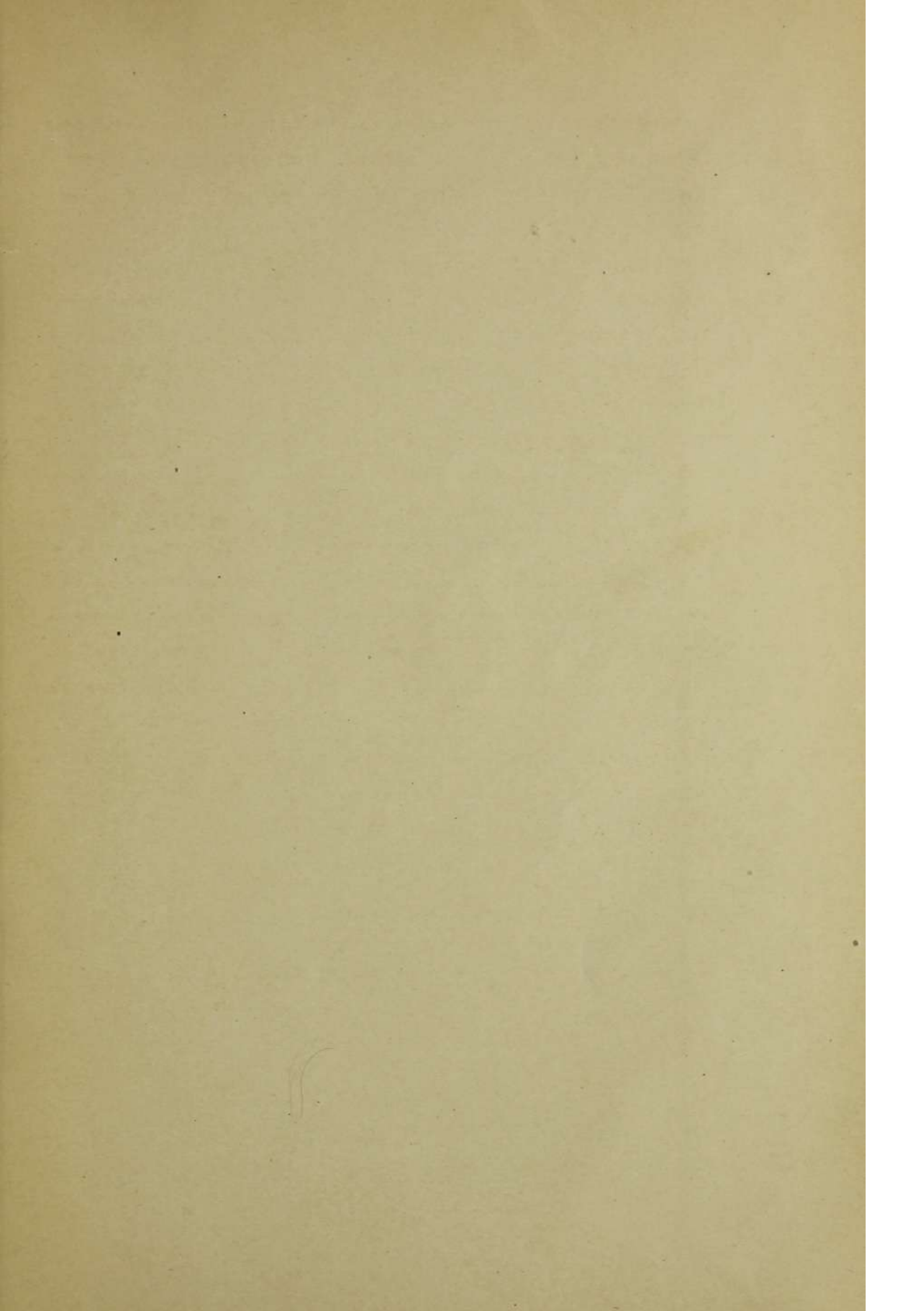
Буряты, жившие еще до революции своим своеобразным патриархальным бытом, хранили много черт первобытного коммунизма. Этим я объясняю, что они оказались такими восприимчивыми к идеям коммунизма современного. Комсомольское движение широкой волной охватило улусы. Школы, техникумы оказались переполненными желающей учиться бурятской молодежью. Все образованные буряты были призваны к

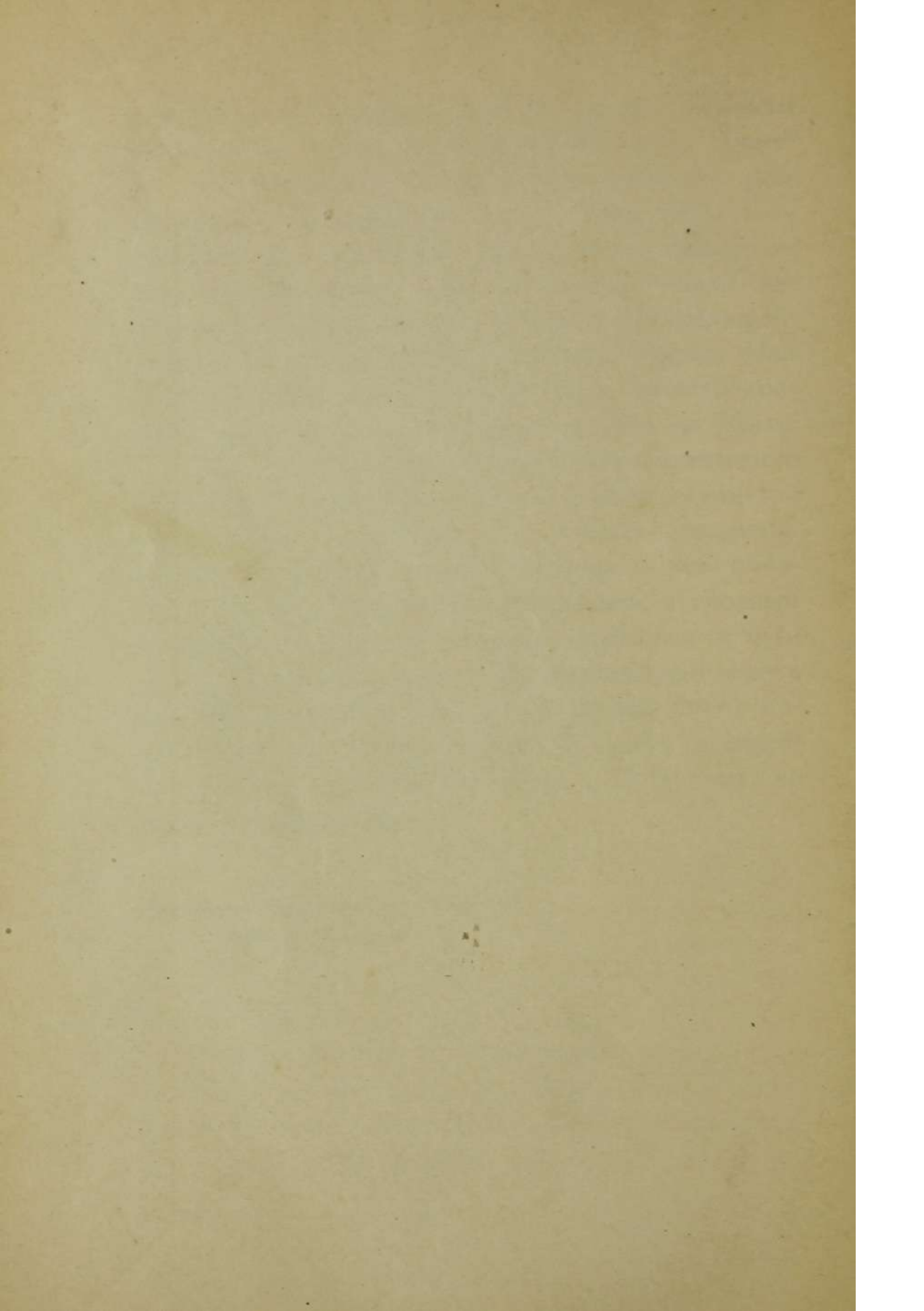
строительству своей молодой республики. Ламаизм оказался не в центре внимания. Не было времени для богоискательства и теологических рассуждений. Практицизм монгола взял свое. Следующий удар ламаизму был нанесен антирелигиозной кампанией. Еще один удар—были национализированы постройки многих монастырей-дацанов и превращены в степные города. Над деятельностью лам был установлен строгий контроль. Ламство сразу сжалось и пошло на убыль.

Теперь шаманство доживает свои последние годы. Еще несколько лет и от него останутся лишь одни воспоминания в памяти стариков. Смешной наивной сказкой покажутся все поверия в бесчисленных духов-вредителей, а грозный шаманский костюм с короной, тростями и бубном,—шутовским нарядом. И с трудом будет верить молодое поколение, что этому можно было поклоняться, приносить жертвы и верить в спасение от недугов, верить сегодня, в 1928 году, на пороге к социализму.

Иркутский Государственный Университет

Кабинет Этнографии.

ЦЕНА 75 коп.

